

Мирко Вишке

СОВРЕМЕННОСТЬ И АНТИЧНОСТЬ. О ТОЛКОВАНИИ СОКРАТА ФРИДРИХОМ НИЦШЕ

Традиционно считалось, что Ницше толкует Сократа весьма странно. Так, уже исследователь древности Вильгельм Нестле в 1890 году [5, s. 259] указывал на своевольную интерпретацию ранних греческих философов со стороны Ницше. В 1921 г. философ Курт Хильдебранд, принадлежавший к кругу поэта Стефана Георге, в книге «Соревнование Ницше с Сократом и Платоном», с которой он защищал диссертацию у неокантианца Пауля Наторпа, предоставил анализ противоречивых граней ницшевской критики Сократа. Также и Герман Коген [4, s. 10] удостоверяет неосведомленность Ницше в отношении истоков философии в древнегреческой мысли. Но если вспомнить, что в Базеле Ницше получил должность профессора классической филологии, едва ли можно упрекнуть его в незнании сохранившихся текстов ранних греческих философов. К тому же возникает вопрос о том, что же подвигло Ницше создать такое представление о первых философах, которое принципиально отличается от традиционных философско-исторических взглядов и выглядит в свете новейшей филологической критики [3, s. 84] как настоящая переоценка. Является ли это представление намеренной «переоценкой» греческой древности? Но что, собственно, есть переоценка? В какой мере Ницше, в чем его и принято упрекать, переоценивает греческую античность, связывая ее с проблемами своего времени [3, s. 132]? Что это за проблемы, и какие вопросы они охватывают для Ницше?

I

Если верить собственным свидетельствам Ницше, то в декабре 1870 года он замышляет разрыв с воззрениями своих коллег по классической филологии на греческую античность. Во всяком случае, в одном из писем он дает это понять своему другу Эрвину Роде [6, s. 165, 113]. Из письма невозможно узнать о мотивах, вызвавших этот разрыв, как и о том, каким образом он собирается изменить предшествующие взгляды на античность. Тем не менее, проблема никак не нова для Ницше.

Из его базельской вступительной речи «Гомер и классическая филология» можно заключить, что эта тема уже давно занимает Ницше, и именно с точки зрения размышлений о том, что чисто научное изучение античности не помогает ответить на вопрос, почему и сегодня античность вообще может быть интересной для нас [6, s. 4]. Античность не должна быть исключительно объектом чисто научно-теоретического исследования. Но чем же тогда? Чем же иным, кроме предмета научных изысканий, может быть античность для филолога?

По наблюдениям Ницше над изменившимся теоретическим самосознанием филологии его времени, историко-филологические штудии являются собственной целью, а не средством. Из изображения, которое Ницше дает современной ему филологии, нельзя понять, каким образом занятия античностью могли бы стать средством. То, что предоставляет Ницше, – это, в первую очередь, критика ее прежнего развития. Ницше так описывает ситуацию историко-филологических исследований своей эпохи: господствует самовлюбленная ученость, одержимая слепой верностью собирательству, неумолимо компилирующая прошлое и нагромождающая его в энциклопедии. Без сомнения, научное знание древности необычайно прирастает, хотя и за счет того, что становится *бездейственным* [11, s. 69]. Но в чем же может заключаться действительность занятия античностью? Что же это должна быть за античная перспектива, которая не лишена действенности в непосредственно современную эпоху?

Согласно Ницше, у нашей современности есть ее отражение в классической античности, что мы и могли бы понимать как вид неосознанного параллелизма с нашим временем. Возможно, Ницше подумал об итальянском Ренессансе, который использовал стоическую, неоплатоновскую и эпикурейскую философию, чтобы освободиться от средневекового наследия с его схоластическим аристотелизмом. А может быть, у него перед глазами была немецкая Реформация, которая протестовала против традиции римской церкви, опираясь на греческие первоисточники Ветхого Завета. Ведь в изложении Ницше прошедшая античность и современное состояние культуры встречаются как две противоположности, меряющиеся своими слабостями и силой с целью постоянного обновления именно современной эпохи. Вопрос в том, почему Ницше считает это необходимым и как он представляет себе в мыслях это обновление. Первые сведения по данному поводу мы получаем в утверждении того способа, которым Ницше намеревается порвать с предшествующей ему перспективой в понимании античности.

Ницше изменяет предшествующую перспективу, поскольку речь у него идет не только о том, что античность в своем историческом развитии неизбежно находит свое завершение в современности. Значительно важнее для него то, что современность находит в античности свое отражение. Ницше убежден, что занятие античностью должно быть мотивировано постоянно возобновляющейся потребностью к обновлению. Возвращение к античности удовлетворяет этой потребности, так как служит дистанцированию по отношению к собственной современности и ее традиции. Античность имеет обновляющее значение для современности, поскольку позволяет выявить в непосредственной современности традиции застывшие и

безжизненные.

Ницше кажется, что возможность открыть в возвращении к античности тот критический потенциал, который направлен против абсолютизации норм собственной модерности, находится под серьезной угрозой. Это связано с тем, что в конце 19 столетия вид и способ филологических занятий античностью диктует уже не наука, основанная на энциклопедических исследованиях. Для Ницше это означает утрату противовеса современности. Ницше сожалеет, что науки о древности больше не знают, как «использовать прошлое в качестве сытного питания», они «научно» исследуют то, что прежде они использовали «в жизненных целях» [11, s. 257].

В своей вступительной лекции Ницше вспоминает о том, что когда-то *классическая* филология претендовала на обращение к «*классической древности*» с нормативными притязаниями и критическими намерениями на высвобождение забытого «идеального мира», чтобы сделать его «зеркалом классического и вечно действенного образца для современности» [6, s. 2]. Ницше помещает классическую филологию в традицию, созданную эллинизмом эпохи Гете и образовательной программой Вильгельма фон Гумбольдта, – традицию, в которой древность считается школой гуманного, а распоряжается этим культурным наследием, согласно своим собственным представлениям, классическая филология. Но поскольку эта филология все больше стала обращаться к специальным вопросам методов текстологии, изучения языка и источниковедения, она, по мнению Ницше, распалась на детали, за которыми потеряла возможность видеть целое. Филологический «муравьиный труд», по более поздней формулировке Ницше [6, s. 32], не создает единого облика античности, а лишь дробит его. А поскольку такое единое видение все же необходимо для критической оценки современности с точки зрения классики и вечно образца, то становится очевидным, что классическая филология плетется в хвосте собственного самопонимания как всего лишь аккумулирующей исторической науки вместо того, чтобы решать проблемы. Не поспевая уже за проблемами, она теряет и собственную задачу. Тот, кто исследует древность, пользуясь филологическими научными приемами, выпускает из поля зрения или вообще не в состоянии увидеть то, что было когда-то притязанием и намерением классической филологии – критическое противостояние современности. Греческая античность уже не является средством, раскрывающим критическое самосознание современности, она стала простым объектом изучения. А если античность – всего лишь предмет исторического исследования, то ее рассмотрение не создает ни масштаба для оценки и коррекции нашей эпохи, ни новых целей, открывающихся перед современностью благодаря неизвестному прошлому [2, s. 83].

Вместо того чтобы следовать своему заданию, то есть быть зеркалом классики для культурной ориентации современности, филологи, занятые тщательным изучением деталей, могут постепенно вообще устранить саму основу понимания древности, которая всегда питала их теоретическое самосознание. Но так классическая филология оказывается поставленной перед беспредельностью своих исследований. В стремлении по-новому и более глубоко понять великие и уникальные достижения греков в контексте прошлого специализированная деятельность филолога обретает свой смысл только в системе «тупой специализации» (Генрих Риккерт). Мотивы своего разрыва с предшествующей перспективой воззрения на античность Ницше подытоживает в вопросе: что еще могло бы быть смыслом занятий античностью, если не «вневременная деятельность, то есть противостояние времени прошлого, тем самым – воздействие на время настоящее и желательно в интересах времени будущего» [11, s. 247]. Следовательно, настала пора, когда для нового поколения филологов античность опять становится вневременной, поскольку только так можно надеяться, что научное занятие античностью, все больше каталогизирующее специальные вопросы, будет использовано не как теоретическая самоцель, а послужит для осмысления современной эпохи.

С точки зрения этого аргумента Ницше критикует расхожее понимание филологов, которое Виламовиц-Меллендорф утверждает в своем требовании научного разделения труда. Так, Виламовиц резюмирует развитие, которое получила филология по мере того, как Бек и Дройзен превратили ее в исследовательскую методологию, а с Теодором Моммзеном филология вообще перешла к упорядочиванию и фиксированию материалов источников в качестве самоцели. С отрывом источника от его толкования исчезает возможность различения существенного и несущественного для исследования, а, значит, исследование теряет свои границы. С позиции Ницше, необходимо подвергнуть критической ревизии восприятие древности в классической филологии, поскольку защищаемое им представление о том, что есть древность, не совпадает с тем, чем она когда-то была на самом деле. Именно это, восходящее к Гете, Гумбольдту и Винкельману понимание античности, которое опирается на образцовое воплощение гуманистической идеи, и хочет пересмотреть Ницше, создавая свое представление о досократовской Греции. Это тот новый образ Греции, с помощью которого Ницше намерен порвать со старой точкой зрения своих коллег.

II

Ницше выступает против своего времени с тем, что он называет «досократовской Грецией». При этом имеется в виду столетие перед персидскими войнами, которое воплощают доплатоновские философы:

те «икарийские» мыслители, как называет их Ницше, которые начинаются с Фалеса и заканчиваются Демокритом или Сократом. В философско-исторических представлениях о древнегреческой философии вершиной греческой мысли считаются идущие от Сократа великие системы Платона и Аристотеля. Не так у Ницше. Досократовские мыслители представляют для него не подготовительные ступени для Платона и Аристотеля, а противоположность им [2, s. 77]. В ницшевском «вневременном» рассмотрении доплатоновская философия благодаря Сократу осталась целым торсом. Вопрос в том, почему Сократ кажется Ницше такой роковой цезурой в греческой философии.

Согласно Ницше, Сократ отделен от Платона своей деструктивностью: приобретенное знание есть для Сократа результат упразднения принятых мнений и обычаев, а не порождение нового знания. Эта пропасть Ницше видится настолько глубокой, что он не считает «праздным вопросом» «не нашел ли Платон, свободный от сократовского очарования, еще более высокий тип философствующего человека, навеки утраченный нами» [10, s. 216]. Чтобы объяснить эту «новую, до тех пор остававшуюся неоткрытой высшую *возможность философской жизни*» [10, s. 216], Ницше думает даже о «попытке характеристики Платона без Сократа» [6, s. 105].

Не вдаваясь в детали ницшевской характеристики, следует отметить, что его критика направлена против образа Сократа, подобного тому, какой рисует в своей «Истории греческой философии» Эдуард Целлер. Здесь Сократ представлен как мыслитель, для которого действительным может быть признано лишь «понятийное знание». Неокантианство в Германии крепко держится за характеристику Сократа как основоположника метода научного исследования. Алоис Риль, например, представляет Сократа признающим исключительно понятийное знание и размышляющим о методах научного исследования. По мнению Рилия, Сократ произвел переворот в истории наук тем, что он «отказался от умственных спекуляций по поводу божественных вещей (и даже их космологических проблем), свел их к доступному и подлежащему исследованию, а также указал их блужданиям цель – ясное и почти сформулированное понятие» [14, s. 97]. Согласно такому пониманию, учение Сократа есть ступенька к философии Платона. Оно робеет перед метафизической отвагой Платона и, отворачиваясь от природы и ограничиваясь сферой этики, являет себя попыткой основания нового, ориентированного на практику знания. Это мнение долгое время считалось окончательным не в последнюю очередь потому, что было высказано в свое время Аристотелем. И поздние неокантианцы, такие, как Бруно Баух, видят «эпохальное свершение» Сократа в том, что будто

бы он первым выдвинул требование строго понятийного знания, будто бы он дал определение науке. Исходя из этого, Сократа можно было бы назвать «отцом научной философии» [1, s. 146]. В ницшевской критике обнаруживаются параллели подобной характеристики, когда он упрекает Сократа в том, что тот стал жертвой веры в постижимость «природы вещей», как и в том, что придал знанию и познанию «силу универсального лекарства» [7, s. 100]. С Сократом, гласит вывод Ницше, стремление к познанию разворачивается в настоящую «стихию» [7, s. 91].

В своих рассуждениях Ницше не уделяет внимания тому обстоятельству, что уже первые философы не ставили границ своему стремлению к познанию, поскольку они делали «мир» объектом познания и понимали под этим высшее воплощение того, что предполагали наличным. Гюнтер Фигаль справедливо указывает на то, что необязательно знать об отказе Сократа проникать, в отличие от ионийских натурфилософов, в суть вещей, чтобы признать, что критика Сократа со стороны Ницше относится на самом деле к прогрессивистскому оптимизму и сциентизму 19 века. И даже когда время от времени представление о Сократе как прообразе современной науки кажется Ницше проблематичным, его собственную неуверенность, в конечном счете, побеждает мнение, что познание и знание достигают с Сократом еще не виданной доселе степени оценки и уважения: немислимой универсальности тяги к знаниям, которую Сократ освободил своими последовательными поисками знания о добродетели и своим вопросом о познаваемости добродетели. Неясно только, почему это проецированное в античность развитие кажется Ницше настолько фатальным, что он видит в Сократе судьбоносную цезуру европейской мысли.

Согласно Ницше, досократовская культура Греции в свой золотой период обладает точным сознанием непрочности своих фундаментов. В искусстве трагедии греки нашли способ напоминать самим себе, что их цивилизация – всего лишь хрупкое достижение. Этому пониманию искусства, достигающему кульминации в аттической трагедии, Сократ наносит смертельный удар, когда с помощью веры во всемогущество знания высвобождает силы, разрушительные для века трагической культуры Греции. С Сократом знание и сознание достигают неведомой до тех пор высокой оценки и именно благодаря раскрепощению стремления к познанию; вырванный из связи с этосом, интеллект празднует у Сократа свои сатурналии.

С точки зрения Ницше, одержимость сократического человека истиной представляет собой начало длящейся до настоящего времени научной эпохи, которая захвачена верой в универсальную целительную силу знания [7, s. 100] и, не ограничиваясь «достойными познания

вещами, великими и важными научными выводами», набрасывается на все «познаваемое» в «слепой жажде познать все во что бы то ни стало» [8, s. 816]. Противовес этому Ницше находит в семи мудрецах; они одновременно представляют достойную быть образцом способность греков «укрощать ненасытную жажду знаний с помощью идеальных насыщенных жизненных потребностей» [8, s. 807]. Современность потеряла эту способность, поскольку ею овладела ненасытная жадность знать все больше и больше, при этом ценность такого знания ни при каких обстоятельствах не кажется ей проблематичной. С одной стороны, современная наука совершенно универсальна, ведь в сфере потенциально подлежащего исследованию нет ничего, что могло бы ускользнуть от нее на долгий срок. С другой стороны, неумолимое чудовищное нагромождение знания делает науку слепой относительно ценности собственного познания. Наука направляет свое внимание без разбору на все, что может быть познано, даже на незначительные истины, на «кистину в любом, даже самом скромном образе», – но не на «глубокомысленное толкование жизни» [6, s. 142]. Эта тенденция чревата опасностью, что научный прогресс станет бессмысленным. По мнению Ницше, этой опасности можно избежать и именно тем способом, который он видит осуществленным у досократовских философов. Это должна быть переоценка античности. А поскольку в своем времени Ницше все же не находит противовеса наступающему веку «тупой специализации» (Генрих Риккерт), он вынужден искать ответ на преследующие его вопросы в прошлом. И пока сомнительно, могут ли ответы, которые он, как ему казалось, нашел, быть пригодными для решения им же диагностированных проблем.

1. Bauch, Bruno: Die Diskussion eines modernen Problems in der antiken Philosophie, in: Logos, Bd. V. (1914/155), 145–164.
2. Borsche, Tilman: Nietzsches Erfindung der Vorsokratiker, in: Josef Simon (Hg.), Nietzsche und die philosophische Tradition I, Würzburg 1985, 62–87.
3. Cancik, Hubert und Cancik-Lindemaier, Hildegard: Friedrich Nietzsche und seine Antike in Deutschland, Stuttgart-Weimar 1999.
4. Cohen, Hermann: Einleitung mit kritischem Nachtrag zur neunten Auflage der Geschichte des Materialismus von Friedrich Albert Lange in dritter, erweiterte Auflage, Leipzig 1914.
5. Nestle, Wilhelm: Friedrich Nietzsche und die griechische Philosophie. In: ders., Griechische Weltbedeutung in ihrer Bedeutung für die Gegenwart. Vorträge und Abhandlungen, Darmstadt 1969, 255–295.
6. Nietzsche, Friedrich: an Erwin Rohde, 15. Dezember 1870, in: Sämtliche Briefe. April 1869 – Mai 1872, Kritische Studienausgabe, hrsg. v. Giorgio Colli und Mazzino Montinari, Bd. 3.
7. Nietzsche, Die Geburt der Tragödie (1872), Kritische Studienausgabe, hrsg. v. G. Colli und M. Montinari, Bd. 1, München 1988.

8. Nietzsche, *Die Philosophie im tragischen Zeitalter der Griechen* (1873), Kritische Studienausgabe, hrsg. v. G. Colli und M. Montinari, Bd. 1, München 1988, 799–872.
9. Nietzsche, *Homer und die klassische Philologie*. Antrittsrede an der Universität Basel, gehalten am 28. Mai 1869, in: ders., *Nachgelassene Werke*. Zweite Abteilg., Bd. IX, Leipzig 1903, 1–24.
10. Nietzsche, *Menschliches, Allzumenschliches*, Kritische Studienausgabe, hrsg. v. G. Colli und M. Montinari, München 1988, KSA 2
11. Nietzsche, *Nachgelassene Fragmente 1875-1879*, Kritische Studienausgabe, hrsg. v. G. Colli und M. Montinari, München 1988, Bd. 8.
12. Nietzsche, *Notizen zu *Wir Philologen* (1874/75)*, Kritische Studienausgabe, hrsg. v. G. Colli und M. Montinari, Bd. 8, München 1988.
13. Nietzsche, *Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben*, Kritische Studienausgabe, hrsg. v. G. Colli und M. Montinari, München 1988, Bd. 1.
14. Riehl, Alois: *Über Begriff und Form der Philosophie* (1872), in: *Philosophische Studien aus vier Jahrzehnten*, Leipzig Quelle und Meyer 1925, S. 91–174, hier: S. 97.